

Л. Н. Сумарокова

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛОГИКА: ПРЕДМЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Вопрос о статусе и предметной области юридической логики выходит за пределы чистой теории и касается как юридической практики, так и мировоззренческих оснований логики и юриспруденции. Одни исследователи уверенно признают существование относительно самостоятельной дисциплины «на границе» логики и юриспруденции, а другие столь же уверенно отрицают какое-либо право юридической логики на существование. Попытки аргументировать указанные позиции, в конечном счете, приводят к необходимости уточнения соотношения теоретического и практического способов освоения мира. Современная философия, как подчеркивает А. А. Ивакин, пришла к выводу о единстве, живом взаимодействии трех функций и, соответственно, трех подсистем мировоззрения: ценностной, познавательной и поведенческой; в соответствии с этим аксиология, гносеология и праксеология признаются основными философскими дисциплинами [1, с. 37–40] и очерчивают главные аспекты философских проблем.

В праксеологии реализуется своего рода обратная связь в движении уровней освоения мира: чем более развитым и, в определенной мере, автономным становится теоретический уровень, тем сильнее ощущается потребность в восстановлении его связи со всей целостностью бытия, со всеми остальными видами человеческой деятельности. Далеко не случаен тот «поворот к практике», который характерен для целого ряда философских областей в конце XX века: появляются работы по практической этике, практической логике. Наряду с философией права, реализующей направление исследований от философии к праву, всё более чётко проявляют себя поиски, ведущиеся в противоположном направлении — от права, от реальных правовых отношений — к философии. Сошлёмся в этой связи на книгу А. Ф. Закомлистова «Юридическая философия», где автор отстаивает необходимость признания «фундамен-

тального антропологического норматива», который реализуется в праве, но сфера действия которого шире, чем юридическая сфера [2, с. 11, 13–15]. Здесь юридическая философия в известной мере противопоставляется философии права. Впрочем, сегодня заметна и другая тенденция: интерпретировать философию права именно как исследование, идущее от права к философии, что организационно проявилось в отнесении философии права к юридическим дисциплинам.

Однако, как представляется, для смежных областей знания актуальной является задача не очередной смены «главного» направления, а гармонизации, уравнивания обеих тенденций; только такая гармонизация даёт право на устойчивое существование каждой «пограничной» дисциплины. Сегодняшнее противостояние мнений таково, что в споре побеждают скорее противники признания юридической логики, чем сторонники. Причина, на мой взгляд, состоит в том, что и та, и другая сторона по сути дела отождествляют юридическую логику (и тем самым практическую логику) с прикладной. Приведем типичное определение: «Юридическая логика — прикладной вид знаний, рассматривающий применение общей логики в конкретной специфической сфере человеческой деятельности — юриспруденции. Юридическая логика включает в себя все положения науки логики, демонстрируя вместе с тем особенности и значение их в юридической деятельности» [3, с. 10]. А между тем, если юридическая логика — частный случай практической логики и действительно является результатом взаимодействия логики и юриспруденции, в ней должны не только сосуществовать, но и взаимодействовать два направления исследований: от логики к юриспруденции (прикладная логика) и от юриспруденции к логике (логогенез, протологика). К протологике можно отнести производство «рабочих схем», дополняющих известные логические построения. Как бы эти «рабочие схемы» ни квалифицировались — «протологические», «квазилогические», «внелогические», они могут сопоставляться с логикой, «переводиться» на языки современной логики или восполнять их, когда в этом есть потребность. В подавляющем большинстве публикаций по юридической логике о втором направлении не говорится ничего. Учебники по юридической логике от обычных учебников логики отличаются лишь юридическими примерами да многочисленными утверждениями о важности логики для юристов.

Исключений из общего правила немного; к ним можно отнести работы В. Д. Титова, где к юридической логике относятся оба направления исследовательской активности. Значительное внимание уделено роли судебной практики в формировании древней протологики, а затем и собственно логики [4]. В. Д. Титов защищает тезис о том, что и современная юриспруденция не ограничивается лишь применением готовых логических схем и правил: она вырабатывает свои структуры и правила, отражающие внутреннюю логику права, проявленную и закреплённую в юридической практике [5].

Нельзя считать, что процессы логогенеза, происходившие в древнем мире, закончились вместе с возникновением логики как самостоятельной науки. Логическое знание совершенствуется — уточняется, систематизируется и пополняется не только в результате внутривероятностного творчества; существуют креативные процессы в различных сферах человеческого бытия, результаты которых могут представлять интерес для логики как науки. *Формальное мышление возникает на основе формального поведения*, т.е. поведения по заранее принятым правилам, эталонам, образцам [6, с. 10]. Юридическая практика, в том числе практика правосудия, не только в древности влияла на формирование и функционирование понятия доказательства; она продолжает влиять на них и сейчас. Особенно велик вклад процессуального права, веками шлифованного правила ведения доказательства в суде, принципы, лежащие в основе правосудия. Именно обобщение достижений процессуального права в юридической логике должно, как представляется, стать мощным стимулом для совершенствования общей логической теории и тем самым для осознания факта взаимодействия логики с практической жизнью современного человечества — связи опосредованной, сложной, не всегда прозрачной и обозримой, однако объективно существующей. Это помогает осмыслить относительность существующих платонистских представлений об априорности и вечности логических структур, во многом укрепившихся в современной логике благодаря Г.Фреге.

Юридическая логика, осуществляющая гармоническое равновесие прикладного и креативного аспектов изучения формального мышления, имеет право на существование в той мере, в какой она обеспечивает не только адекватное понимание взаимодействия логики и юриспруденции, но и их дальнейшее развитие, совершенствование в интересах целостного, гармоничного бытия человека.

Остановимся далее на некоторых моментах взаимодействия логики и юриспруденции, которые дают представление о предметной области юридической логики и о перспективах её дальнейшего развития.

Начнём с общей констатации, состоящей в том, что для юридической логики весьма продуктивным оказывается коммуникативное измерение как мышления, так и права. В качестве метаязыка успешно могут использоваться языки семиотики и теории общения в широком их понимании. Это касается всех основных разделов юридической логики:

- формы представления и понимания информации в юриспруденции;
- формы переработки, трансформации юридически значимой информации, обеспечивающие взаимопонимание коммуникантов;
- формы обоснования юридических решений и выводов;
- общие законы и принципы логики, действующие для всех указанных форм мышления.

Активно обсуждаемой проблемой, относящейся к первому из упомянутых выше разделов логики, является проблема уточнения юридических терминов, в том числе проблема дефинитивных норм. Юридический

термин (слово или словосочетание) может уточняться различными способами; одним из них является определение-уточнение общих, существенных признаков, образующих содержание (смысловое значение) термина и тем самым задающих его предметную область. Такой юридический термин может быть назван юридическим понятием. Однако далеко не все юридические термины выражают понятия. И далеко не все способы уточнения юридических терминов являются определениями. Определение необходимо для уточнения базовых, фундаментальных понятий, составляющих категориальный базис языка юриспруденции в целом.

Тремя обязательными компонентами понятия выступают слово-термин, его особое смысловое значение и его предметное значение, задаваемое выбранным смыслом. Для успешного функционирования базового юридического понятия надо, чтобы сообщество юристов приняло все три компонента понятия и связь между ними понимало как необходимую связь. Последнее условие выражает прагматический аспект юридического понятия, который дополняет его семантический (смысловое и предметное значение) и синтаксический (связь между признаками) аспекты.

В логике давно известно разделение реальных и номинальных определений. В современном контексте коммуникативного подхода их различие можно интерпретировать следующим образом: в номинальном определении эксплицитным является отношение именованного, а в реальном — отношение обозначения. Оба они могут реализоваться одновременно, если они являются сторонами одного предметного значения. В этом случае они могут иметь практически одинаковый смысл. Например: «Вынужденный прогул — время, на протяжении которого работник не по своей вине лишен возможности работать» (реальное определение). «Термином «вынужденный прогул» называется время, на протяжении которого работник не по своей вине лишен возможности работать» (номинальное определение). Но отношение именованного может быть направлено не на предмет непосредственно, а на некоторый ранее встречавшийся текст или другой смысл, быть при этом их сокращенным знаком и только опосредованно, через этот текст или смысл («текст в тексте», «интертекст» с семиотической точки зрения) соотноситься с предметной областью термина и его актуальным смыслом. Сюда обычно относят определения терминов, состоящие в раскрытии этимологии слова, взятой из какого-либо древнего языка. В юридических текстах широко распространены и другие варианты «интертекстовых» номинальных определений, связанных не только с семантикой, но и с прагматикой коммуникации, с вопросами удобства организации сообщения. Скажем, стороны договора обозначаются собственными развернутыми именами с указанием соответствующих реквизитов, а потом фиксируется: «далее именуется «Заказчик»; «далее именуется «Исполнитель». Это не что иное, как вариант номинального определения, имеющего вид сокращения ранее построенного текста («интертекста»).

Различие между номинальными и реальными определениями относительно: это не столько два разных вида определения, сколько две разные функции определения, которые не обязательно исключают друг друга. Любое реальное определение не только характеризует предмет, но и попутно делает термин фактически именем, знаком этого предмета. С другой стороны, номинальное определение дает иногда достаточную информацию о предмете.

В юридической практике весьма существенным оказывается другое, чисто прагматическое свойство определения: его легитимность, его принятие правовым социумом. Так, В. Д. Титов обращает внимание на прагматическую сторону юридических определений, выделяя арбитражные определения, которые «должны приниматься авторитетным научным сообществом правоведов как общеобязательные, безотносительно к различиям разделяемых логических доктрин» [7, с. 204]. Соглашаясь с В. Д. Титовым относительно значимости арбитражных юридических определений, я не могу согласиться лишь с тем, что речь идет об особом виде определений, наряду с реальными и номинальными определениями: здесь речь идет о разных функциях определения, вполне совместимых друг с другом, различающихся лишь по степени эксплицитности и значимости в конкретной коммуникативной ситуации. Любая дефиниция (и реальная, и номинальная) в любой юридической коммуникации должна быть принятой всеми ее участниками. Это прагматическое правило общезначимости отсутствует в обычных учебниках логики, там уделяется внимание семантике и синтаксису, но не уделяется внимание прагматике (способам и правилам употребления) выраженной в языке мысли. Поскольку разработка логической прагматики сегодня весьма актуальна, логикам следует прислушаться к выводам юристов, фиксирующих прагматическое измерение правовых дискурсов. Это относится ко всем разделам логики.

На сегодняшний день самая главная сфера взаимодействия логики и юриспруденции, наиболее ярко обнаруживающая необходимость взаимообогащения этих двух областей, — теория доказательства.

С одной стороны, теория доказывания в юриспруденции почти не использует языка современных логических теорий доказательства, и поэтому выглядит несколько архаичной, а с другой стороны, — современные логические теории доказательства напрасно игнорируют те свойства и правила доказательства, которые установлены в многовековой судебной практике, и значимость которых выходит за пределы юриспруденции.

Юридическая логика, идя от общей логики к юриспруденции, должна использовать весь арсенал средств современной логической теории доказательства, особенно дедуктивных его форм. Прошли те времена, когда судебное доказательство достаточно было представить в форме силлогизма: норма права — большая посылка (аксиома); факты — меньшая посылка; решение суда — заключение силлогизма. Эта

схема годится для самых простых случаев, когда доказательство — простая линейная логическая связь, вывод из аксиомы. Более сложные случаи судебного доказывания строятся нелинейно, для них уместно использование других типов вывода, разработанных в логике XX века: например, естественный вывод, секвенциальный вывод и т.д. Если кроме норм права и фактических данных в доказательстве используются выдвинутые на их основе альтернативные гипотезы, то в этом случае реализуется структура естественного вывода. В других случаях в качестве альтернатив могут использоваться не гипотезы, а варианты логических выводов из аргументов сторон. Тогда принимается схема секвенциального вывода. Юридическая теория судебного доказывания может учитывать эти и другие структурные варианты нелинейных выводов.

С другой стороны, юридическая логика, идя от опыта юриспруденции к логике, может принимать участие в разработке неклассических вариантов логической теории доказательства, учитывающих такие принципы и качества судебного доказывания, которые утвердились в юриспруденции и вполне могут претендовать на признание в качестве универсальных принципов и качеств доказательства как такового.

При этом нельзя не учитывать той смены парадигм, которая происходит в юриспруденции и которая непосредственно касается переосмысления сути судебного права. Правоведение все более отказывается от односторонней трактовки правосудия как своего рода карательной машины: функция наказания, принуждения не только не единственная, но и не главная его функция; главной функцией правосудия должна стать функция гармонизации правовых отношений в обществе. «Специфика суда, его объективная природа и вместе с тем его отличие от других видов социальной регуляции состоит в реализации принципа формального равенства, равного отношения к сторонам-участникам судебного процесса» [8, с. 239]. Принципу формального равенства наилучшим образом соответствует найденная и закрепленная в судебной практике форма доказывания — диалог (полилог). Структура судебного доказывания усложняется тем, что в нем имеются $n+1$ тезисов, $n+1$ рядов аргументов, $n+1$ вариантов методов доказывания, где n — число сторон; к позициям сторон прибавляется позиция суда. Можно констатировать, что диалогичность — обязательное эмергентное качество судебного доказывания, призванное обеспечить равные возможности сторон в судебном споре. К другим качествам такого же уровня значимости следует отнести также альтернативность, многоуровневость и системность судебного доказывания [9, с. 232–234].

Выводы:

1. Юридическая логика имеет право на существование в качестве самостоятельной дисциплины «на границе» логики и юриспруденции только в том случае, если в ее структуре объединятся и будут уравновешивать друг друга два направления исследований: от логики к юрис-

пруденции (прикладная логика) и от юриспруденции к логике (логогенез, протологика).

2. Перспективы развития юридической логики в значительной мере зависят от того, насколько успешно будет осуществляться такой синтез указанных направлений, который будет способствовать совершенствованию как логики, так и юриспруденции.

3. В настоящее время «точкой роста» юридической логики является взаимодействие логических и юридических учений о доказательстве, в частности анализ утвердившихся в судебной практике упомянутых выше эмергентных свойств доказывания.

Л и т е р а т у р а

1. Ивакин А. А. Диалектическая философия : монография / А. А. Ивакин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — О. : Феникс ; Суми : Университет. кн. ; М. : ТрансЛит, 2007.
2. Закомлистов А. Ф. Юридическая философия / А. Ф. Закомлистов. — С.Пб. : Юрид. центр пресс, 2003.
3. Тер-Акопов А. А. Юридическая логика : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. — М. : ИКФ Омега-Л, 2002.
4. Титов В. Д. Логическое знание в его социально-исторической детерминации / В. Д. Титов. — Х. : Регионинформ, 2004. — 260 с.
5. Титов В. Д. Юридическая логика в США / В. Д. Титов. — Х. : Ксилон, 2007. — 250 с.
6. Брюшинкин В. Н. Практический курс логики для гуманитариев / В. Н. Брюшинкин. — М. : Новая шк., 1996.
7. Титов В. Д. О специфике определений в юриспруденции / В. Д. Титов // Логико-философские студии : сб. ст. — С.Пб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — Вып. 3.
8. Пашинский А. И. Специфика правосудия в контексте либертарного правопонимания / А. И. Пашинский // Ежегодник либертарно-юридической теории. — М. : ГУ ВШЭ, 2009. — Вып. 2.
9. Сумарокова Л. Н. Основы логики / Л. Н. Сумарокова. — О. : Юрид. л-ра, 2009.

А н н о т а ц и я

Сумарокова Л. Н. Юридическая логика: предмет и перспективы развития. — Статья.

Юридическая логика рассматривается в статье как вариант практической логики и включает, как полагает автор, два направления исследований: от логики к юриспруденции (прикладная логика) и от юриспруденции к логике (логогенез, протологика). Перспективы развития юридической логики зависят от того, насколько успешным будет синтез этих направлений.

Ключевые слова: практическая логика, юридическая логика, прикладная логика, логогенез, протологика, эмергентные качества судебного доказательства.

А н о т а ц і я

Сумарокова Л. М. Юридична логіка: предмет та перспективи розвитку. — Стаття.

Юридична логіка розглядається у статті як варіант практичної логіки і включає, як

вважає автор, два напрями досліджень: від логіки до юриспруденції (прикладна логіка) та від юриспруденції до логіки (логогенез, протологіка). Перспективи розвитку юридичної логіки залежать від того, наскільки успішним буде синтез цих напрямів.

Ключові слова: практична логіка, юридична логіка, прикладна логіка, логогенез, протологіка, емергентні властивості судового доказування.

S u m m a r y

Sumarokova L. M. Legal logic: the subject and development prospects. — Article.

The legal logic is discussed in the article as a variant of practical logic, and includes, as suggested by the author, two research directions: from logic to jurisprudence (application logic) and from the jurisprudence to logic (logogenesis, protologic). Prospects of development of legal logic depend on the success of the synthesis of these directions.

Keywords: practical logic, legal logic, applied logic, logogenesis, protologic, emergent properties of evidence in jurisprudence.